

Ван Клиберн:

«Счастлив, что я здесь»

СЕМЬ ЛЕТ Москва не видела Вана Клиберна. И он не видел этот город, в который ехал когда-то на первый Международный конкурс имени Чайковского совсем уж без всяких амбиций, просто радуясь возможности играть на родине Чайковского и Прокофьева. Здесь состоялось тогда открытие его большого таланта, московский триумф проложил ему зеленую улицу на сцену любого концертного зала мира.

Сам Ван Клиберн вроде бы совсем не изменился. По-юношески стройный, подтянутый, те же порывистые движения, та же обаятельная улыбка. Скромный темносиний галстук. Разве что прибавилось морщинок на лбу да в умных живых глазах нетрудно заметить легкую усталость, может быть, оттого, что недавно он закончил репетировать тут же в номере, а затем с добрый час говорил по телефону с Нью-Йорком: там тяжело болен его отец.

Повсюду в номере цветы: в букетах, корзинах — это после первого концерта, который прошел во вторник в Большом зале консерватории. В стороне одиноко чернеет рояль.

— Семь лет — очень долгий срок, Ван. Не правда ли? Как прошли они для вас, что вы успели сделать как музыкант?

— Отыграл очень много концертов, объездил чуть ли не весь мир. Впервые побывал в Латинской и Центральной Америке, в Японии, а в основном гастролировал по городам США. Если сказать в двух словах, то творческий итог этих семи лет — 23 пластинки, 16 фортепьянных концертов.

Но знаете, честно говоря, исполнительство становится для меня все менее интересным занятием. Чувствую себя служащим, переводчиком, что ли... Мне кажется, самое волнующее — это быть композитором, выносить в себе музыку, прожить ее. Когда вы соприкасаетесь с великой музыкой, то ощущаете свое, может быть, даже ничтожество. Конечно, музыка — это нечто сверхъестественное, чудо какое-то... Я так завидую Листу, Рахманинову — людям, которые могли быть одновременно и сочинителями, и доносителями своих произведений до публики.

Впрочем, я хочу, чтобы меня правильно поняли. Я счастлив, что я музыкант и могу занять свое место в мире музыки, в мире искусств. Но...

Надеюсь, что все это еще впереди. Я пробовал сам писать, но пока не могу считать себя композитором.

— Как прошла ваша встреча с Москвой на этот раз?

— Мне кажется, я с ней и не расставался: семь лет разлуки пролетели незаметно. И хотя, пока мы ехали из Шереметьева, мне показалось, что по дороге вырос за эти годы целый новый город, дух Москвы не изменился. Для меня она таит в себе какие-то необъяснимые качества. Знаете, я ощущаю здесь дух Юрия Долгорукого, которому посчастливилось основать этот город.

Прямо с дороги, не заходя в гостиницу, я отправился на Красную площадь и вновь долго стоял, зачарованный, у собора Василия Блаженного. Наверное, это самое красивое место на земле. (Ван подхо-

дит к окну, из которого открывается вид на Красную площадь). Не могу равнодушно смотреть на нее. Просто счастлив видеть всю эту красоту.

— Кроме концертов, есть, видимо, у вас какие-то личные планы на этот приезд?

— Хочу послушать «Бориса Годунова», очень люблю эту оперу. В Ленинграде — сходить в Исаакиевский собор: в прошлый приезд там шли реставрационные работы. И еще совершенно ненормальная вещь: с первого приезда в Москву мечтаю побывать в Оружейной палате и никак не выберусь. Надеюсь, сейчас получится.

А потом здесь ведь у меня много друзей. Сережа Доренский, Рая Бобринева, Валерий Климов, Лева Власенко, Кирилл Кондрашин — знаете, такая дружная компания еще с 1-го конкурса. Вот и сейчас все они были на моей репетиции в зале консерватории, помогали отобрать рояль, советовали. Конечно, я хотел бы подольше побыть в их обществе.

Я очень рад, что мой приезд в Советский Союз совпал с визитом американского президента. Мне так хочется надеяться, что своим искусством я смогу внести вклад в дело укрепления дружбы между нашими народами.

Его рабочий день не подвластен четкому режиму. С близкими людьми он может часами разговаривать по телефону, может заниматься несколько раз на дню, может вскочить среди ночи с постели и сесть за рояль — увы, как ни банален этот навязший в различных кинофильмах образ музыканта, композитора, но Клиберн именно таков.

На гастроли Ван Клиберн привез две программы. Брамс (интермеццо, две рапсодии, вариации на тему Генделя), «Аппассионата» Бетховена, Шопен (баллада, ноктюрн и скерцо), 6-я соната Прокофьева, Дебюсси (этюд, прелюдия «Терраса, посещаемая лунным светом» и «Остров радости»), Лист (сонет Петрарки и Мефисто-вальс). Пять концертов в Москве, три — в Ленинграде: сольные и симфонические с оркестром под управлением Кондрашина.

— Ван, наверное, особое чувство испытываете вы и Большому залу консерватории, который так приветствовал вашу первую большую победу?

— Могу представить его с закрытыми глазами. Он часто снился мне, даже в кошмарных снах, потому что это зал, в котором играть страшно. В мире есть два зала, вызывающие страх у музыкантов, — Карнеги-холл в Нью-Йорке и московский Большой зал. Нет, это не испуг, не боязнь, а тревожное волнение, повышенное чувство ответственности. Со стен смотрят на тебя портреты великих композиторов и словно говорят: ты не можешь здесь играть плохо или даже спустя рукава — только отлично.

— Можно ли назвать произведения, над которыми вы сейчас работаете?

— Есть две вещи, которые я хотел бы закончить. Это мои вещи — фортепьянная соната и концерт. Может быть, я сумею рассказать в них о жизни.

М. ГЛЕБОВ.

На московской улице Вана Клиберна и советского дирижера К. Кондрашина сразу же окружили любители музыки.

Фото Н. КОМАРОВА.